

Ксенофонт 8 II

1985

ПУТЬ К ОБРАЗУ

Выдающимся советским иллюстратором был Евгений Адольфович Кибрик (1906—1978) — народный художник СССР, профессор, действительный член Академии художеств СССР.

Неоценим его вклад в искусство книжной графики. Его иллюстрации к «Кола Брюньону», «Тарасу Вульбе», «Борису Годунову», «Тиллю Уленшпигелю» остаются непревзойденными образцами глубочайшего проникновения художника в творчество писателя. Кибрик-иллюстратор всегда принимал на себя ответственность за полное, законченное и образное истолкование литературных произведений, бережно сохраняющее образы и стилистику писателя. Он заставлял верить читателей в созданные образы так же, как читатели верят в литературные образы Гоголя, Пушкина, Романа Роллана.

В выборе литературных произведений сказывалось пристрастие Е. А. Кибрика к характерам сильным, людям могучим духовно и физически. Отсюда — его Тарас, Тиль, Годунов, русские и былинные богатыри. Так, к гениальной литературной первооснове он всегда приносил неповторимое образное решение, литературному шедевру давал он в спутники шедевр изобразительный.

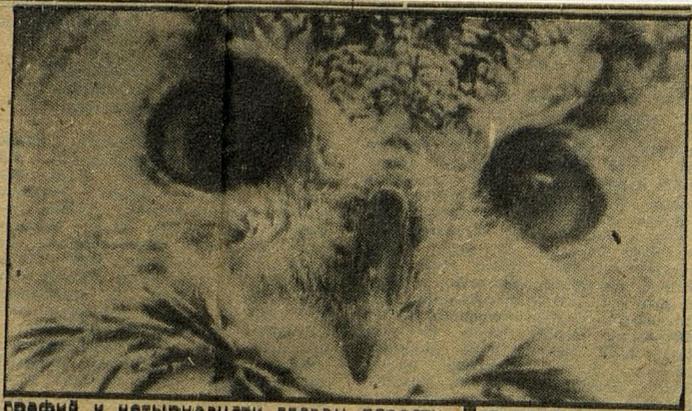
Открывают галерею его блистательных работ иллюстрации к «Кола Брюньону» Романа Роллана. Полтора года, с 1934 по 1936, шла работа над книгой. По воспоминаниям художника О. Верейского, это было замечательное время, когда многие художники, соревнуясь друг с другом, создали настоящий ренессанс ленинградской графики, и едва ли не первой фигурой в этом «ренессансе» был Кибрик.

Кибрик загорелся работой мгновенно, но хотя руки и мысль художника работали непрестанно, труд подвигался медленно.

...Бургундия начала XVII века, город Кламси. Кибрик дни напролет проводит в библиотеке Эрмитажа, знакомится не только с французским искусством XVII века, но и с искусством Фландрии, Германии, Испании. Добрым советом помог художнику писатель Константин Федин. Он предложил Кибрику написать самому Р. Роллану и рассказать ему о своей работе. И вскоре между молодым художником и классиком мировой литературы завязалась переписка. Роллан прислал Кибрику альбом с видами Кламси, писал, что очень рад, что его любимое произведение заинтересовало советского художника, но ему не верилось в успех работы.

А она, между тем, продолжалась. «Кола Брюньона» Кибрик рисовал по ночам, когда ни один звук не мог помешать художнику, не мог нарушить его вдохновения. За ночь весь пол покрывался скромными рисунками. Иногда десятки раз приходилось браковать литографии, прежде чем удавалось наложить нужный штрих, тот единственный, который бы оживил образ.

Постепенно усложнился первоначальный замысел. Сначала планировалось сделать четырнадцать трехцветных лито-

графий и четырнадцати главам повести. Пятнадцатым рисунком был фронтиспис.

Три цвета — черный, серый и кирпично-красный — возникли как цвета рисунка углем и сангиной, типичные для эпохи Возрождения, а ведь «Кола» — это время французского позднего Возрождения.

Одна из самых ярких страниц работы над «Брюньоном» — создание образа Ласочки, прелестной девушки с вишенками в зубах, залитой солнцем. Он рисовал ее ночь за ночью, но образ неуловимо ускользал, не ложился на бумагу. Было от чего впасть в отчаяние. В одну из таких ночей иступленной работы художник потерял сознание прямо у литографского станка... Но образ Ласочки стоил таких душевных и физических затрат. Портрет Ласочки трудно воспринимать как просто иллюстрацию, это законченный самостоятельный портрет, излучающий поэзию и счастье жизни.

Работа завершена. И в это время Кибрик из газет узнал о приезде Р. Роллана в СССР, а затем получил от него приглашение приехать к нему с иллюстрациями. Они встретились. Вот как об этой встрече вспоминает сам Кибрик:

— Наступает ужасный для нас с автором момент. Понятно почему — он ожидает увидеть что-то нестерпимо чуждое своему любимому, прославленному «Кола», и это ему придется сказать мне в то время, как его так сердечно принимают в моей стране. Я как в тумане, ничего не видя от волнения, раскрываю папку и достаю рисунки... Роллан их решительно берет и вдруг преображается. Он меня ошеломляет похвалами. Он говорит, что теперь видит свою книгу моими глазами и горячо меня благодарит. Говорит, что книгу трижды иллюстрировали во Франции, но что мои иллюстрации лучше. Особенно он восхищается Ласочкой и все меня спрашивает: «Как вы смогли это сделать?!»

Издание «Кола Брюньона» стало выдающимся событием в художественной жизни страны. Пятьдесят лет — срок немалый, уже пожелтели страницы книги того, первого издания, но молодость, жизнелюбие по-прежнему исходят от образов, созданных художником, прошедшего трудный путь к их созданию. Теперь им предстоит вечный путь к сердцам зрителей.

С. ВОДОВОЗОВА.